

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье обращается внимание на значимость и эффективность такого средства исправления несовершеннолетних осужденных, как общественное воздействие. Анализируя накопленный отечественный опыт в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, достижения психологической и педагогической наук, а также практику привлечения широкой общественности к исправлению подростков-правонарушителей, автор формулирует предложения, касающиеся процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных на современном этапе.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; ресоциализация; общественное воздействие; исполнение наказания; воспитательный центр.

Resocialization of juvenile delinquents on the base of social influence system: history and contemporaneity

V.M. POZDNYAKOV – professor of People's Friendship University of Russia, professor of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, doctor of psychological sciences, professor.

In the article the author pays attention to the importance and efficiency of such means of juvenile delinquents' correction as social influence. Analyzing the present national experience in the field of criminal punishment execution concerning juvenile delinquents, achievements of psychological and pedagogical sciences and also experience with the participation of wide public to young offenders' correction, the author formulates some proposals about process of juvenile delinquents' resocialization nowadays.

Key words: juvenile delinquents (young offenders); resocialization; social influence; punishment execution; educational facility.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. акцент делается на совершенствовании процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных: вскрытии узких мест в современной пенитенциарной практике и поиске неиспользуемых резервов. В рамках проводящейся сегодня экспериментальной отработки модели воспитательного центра – нового типа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних – пока в недоста-

точной мере задействуются возможности такого средства исправления, как общественные воздействия. Аргументом в пользу высказанного критического замечания может служить материал проведенного историко-компаративного исследования, узловые моменты которого представлены в настоящей публикации.

Отечественная история свидетельствует, что уже в первой земледельческой колонии для несовершеннолетних правонаруши-

телей, созданной в 1819 г. по инициативе Я.И. Герда, стал реализовываться гуманный подход к исправлению «порочных и преступных детей»¹. При этом для их «нравственного исправления» привлекались члены Попечительного о тюрьмах общества, преследовавшего цель «наставления в правилах христианского благочестия и доброй праведности, создания условий для занятия приличными упражнениями»².

После принятия в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в стране стали массово создаваться различные виды исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников³. При этом благодаря трудам таких ученых, как А.М. Богдановский, Д.А. Дриль, А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, П.Г. Редкин, Д.А. Тальберг, И.Я. Фойницкий, была теоретически обоснована⁴, а опытной исправительной практикой таких организаторов-педагогов, как М.П. Беклешев, А.Я. Герд, М.Н. Капустин, Д.В. Краинский, В.М. Левитский, Н.А. Окунев, П.И. Ровинский, Н.В. и К.В. Рукавишниковы, А.Д. Ушинский, подтверждена бесперспективность борьбы с преступностью несовершеннолетних применением лишь наказательных мер⁵ и одновременно доказана необходимость проведения с ними разноплановой исправительной превентивной и ресоциализирующей работы⁶.

В дореволюционной России было проведено 8 съездов представителей исправительных заведений для малолетних правонарушителей, в работе которых всегда участвовали правительственные чиновники, видные ученые, писатели, религиозные деятели, меценаты⁷. Благодаря широкому обмену передовым опытом использования разноплановых средств исправления, а также заинтересованному обсуждению путей профилактики правонарушений и созданию условий для расширенного подключения к нравственно-воспитательной работе с несовершеннолетними институтами попечительства и патроната⁸ в последующем происходила выработка прогрессивных ориентиров и в законодательстве (Закон об исправительных приютах (1866), Положение о патронате над несовершеннолетними, вышедшими из исправительных учреждений (1866), Закон об изменении форм и обрядов судопроизводства в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников (1897), Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (1909) и др.).

Если обозначить главные тенденции в изменении законодательства и практики исполнения наказаний в отношении несо-

вершеннолетних правонарушителей, имевшие место в России дореволюционного периода, представляется важным отметить, что тогда сложились ориентации, с одной стороны, на выведение подростков из «сетей традиционной тюрьмы»⁹, а с другой – на реализацию индивидуально-дифференцированного подхода в исправлении несовершеннолетних осужденных и привлечения широкой общественности к их реинтеграции в общество¹⁰. Нами поддерживается мнение С.А. Завражина о том, что в дореволюционной России в отличие от зарубежных стран конституировалось особое научное направление – предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которое интегрировало знания комплекса гуманитарных и естественных наук (юриспруденции, педагогики, психологии, биологии, физиологии, медицины, социологии) и обладало следующими генеральными параметрами: социальной ангажированностью (теснейшей связью с конкретной социокультурной ситуацией), практологичностью (преобладанием практикоориентированных подходов), критическим отношением к зарубежным исследованиям, педоцентрической и гуманистической направленностью. Разработанные в рамках данного направления концепции и исправительные средства не только находились на гребне мировой науки, но в некоторых отношениях и опережали развитие. Среди них следует назвать идеи об усвоении девиантного поведения через механизмы стигматизации и импрессионга (П.Ф. Лесгафт) и о нерасчленимой биосоциальной природе личности (В.М. Бехтерев), превентивно-исправительном воспитании (К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, Д.А. Дриль), концепцию генеалогического предупредительного воспитания (И.А. Сикорский), методики коррекции вредных привычек и асоциальных тенденций в структуре личности подростка (И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев и др.)¹¹.

В первые пятнадцать лет советской власти ученые и пенитенциаристы-практики (М.Н. Гернет, П.И. Люблинский, С.В. Познышев, В.И. Куфаев, Ю.Ю. Бехтерев, Б.С. Утевский и др.) продолжали отстаивать приоритетности реализации в исправительной работе с несовершеннолетними осужденными социально-поддерживающего подхода. При этом активно использовались материалы научных исследований правонарушителей и их общностей, полученные сотрудниками в 1920-е гг., многочисленных криминологических кабинетов (лабораторий, клиник), а также экспериментального пенитенциарного отделения при Государ-

ственном институте изучения преступности и преступника¹².

Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса с несовершеннолетними правонарушителями стала психолого-педагогическая система А.С. Макаренко, обеспечивающая перевоспитание личности на основе ее всестороннего изучения, воспитывающего влияния коллектива и взаимоответственных отношений между воспитателями и воспитуемыми¹³. При этом А.С. Макаренко считал, что «особенно важно обеспечить новую ориентацию на широкое привлечение к работе с несовершеннолетними правонарушителями советской общественности»¹⁴. Конструктивные методики воспитательной работы с делинквентными подростками в 1920–1930-е гг. реализовывались и в профдеятельности таких видных отечественных психологов и педагогов, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.Н. Соколя-Росинский.

Однако накопленные достижения психологической и педагогической наук, а также опыт по привлечению широкой общественности к исправлению несовершеннолетних правонарушителей в последующие три десятилетия практически не использовались, так как произошло «воцарение махровой идеологизации» в правоведении и наблюдалось игнорирование человека в пенитенциарной практике (особенно в рамках все более развертывавшейся гугаговской системы)¹⁵, а также сказывались последствия партийных репрессий в отношении педологии и психологии¹⁶.

Реальные условия востребованности психолого-педагогических знаний и методов, а также подключения общественности к исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных сложились лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг. При этом обсуждению организационно-правовых основ и направлений включенности общественности в работу с осужденными был посвящен ряд монографических исследований, а также многочисленные публикации в ведомственных журналах¹⁷. В них доказывалось, что субъекты общественного воздействия могут оказывать действенное влияние на личность несовершеннолетних осужденных, особенно при участии трудовых коллективов, способных регулировать «осознание осужденными своего места в обществе»¹⁸. В этой связи при воспитательно-трудовых колониях были созданы наблюдательные комиссии, а также методические советы и советы воспитателей. В 1974 г. в штат колоний для несовершеннолетних были введены должности психологов, ко-

торым предстояло по аналогии с зарубежной пенитенциарной практикой обеспечить индивидуально-дифференцированный подход к исправлению осужденных¹⁹. Кроме того, спецкомендатуры, организованные в каждом регионе страны, должны были в тесном сотрудничестве с трудовыми коллективами предприятий, организаций и учреждений вести работу с отбывшими наказание, чтобы профилировать рецидив преступления. Для легализации участия общественности в работе с осужденными были внесены изменения в законодательство (ст. 9 и разд. 5 ИТК РСФСР), а также изданы специальные нормативные правовые акты (в частности, постановление Совета министров РСФСР от 18.11.1968 г., утвердившее Положение о советах общественности при ИТК, приказ МВД СССР от 20.03.1972 г. № 82, содержащий Инструкцию о привлечении внештатных сотрудников к исправлению и перевоспитанию осужденных, и др.).

Следует особо отметить, что в 1960–1980-е гг. был проведен ряд социально-педагогических экспериментов по широкому привлечению общественности к воспитательной работе с осужденными, в том числе в учреждениях Вологодской области – по возрождению элементов системы А.С. Макаренко и наставничеству над осужденными, в Белоруссии – по организации индивидуального шефства над трудновоспитуемыми осужденными, Харьковской области – по развитию коллективного шефства и кооперативных связей с пенитенциарными учреждениями. В итоге в пенитенциарной практике стали складываться предпосылки возрождения институтов попечительства и патроната²⁰. Одновременно о важности обеспечения комплексного подхода к исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных речь велась на многочисленных научно-практических конференциях, в том числе всесоюзных, посвященных наследию А.С. Макаренко²¹.

Развитие демократизации и гласности в стране, начавшееся в 1985 г., сделало достоянием широкой общественности имевшиеся в истории органов и учреждений исполнения наказаний проблемы системного характера. Руководство МВД СССР, обладая расширенными возможностями посещения зарубежных мест лишения свободы, пришло к выводу о необходимости гуманизации условий отбывания наказания и совершенствования индивидуально-дифференцированного подхода при ресоциализации осужденных. В итоге в штат всех колоний были введены новые категории

специалистов: психологи (в соответствии с приказом МВД СССР от 02.09.1989 г. № 86) и социальные работники (приказ ГУИН Минюста России от 30.03.2000 г. № 41). При этом в качестве позитивной пенитенциарной новации следует рассматривать эксперимент по объединению усилий психологов и социальных работников в рамках центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными в колониях УФСИН России по Орловской области²².

Вместе с тем в свете расширяющихся в последнее десятилетие международных пенитенциарных контактов стало очевидным, что если за рубежом для выполнения требований международных правовых актов целенаправленно внедрялись разнообразные формы и технологии общественного воздействия на несовершеннолетних осужденных, то в современной российской практике сохранились лишь отдельные элементы из имевших место ранее²³. И это несмотря на то, что в 1999 г. был принят Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и возросла роль институтов гражданского общества, был начат эксперимент по вводу института ювенальной юстиции.

В современных научных публикациях подчеркивается важность активного использования зарубежного опыта ресоциализации несовершеннолетних осужденных, в том числе распространены ссылки на авторитетных иностранных ученых, считающих доминантной характеристикой пенитенциарных систем конца XX столетия ее экспортный потенциал, прежде всего, в области исправительных технологий²⁴. Наиболее наглядно последний проявлялся, с одной стороны, в распространении в различных странах мира прогрессивной системы отбывания наказания, а с другой – в развитии и внедрении технологий ресоциализации и коллективного самоуправления в полуоткрытых и открытых пенитенциарных учреждениях.

Анализ публикаций зарубежных ученых свидетельствует, что в реализации прогрессивной системы отбывания наказания, несмотря на национальную специфику, всегда просматривается совмещение динамичного способа трансформации пенитенциарных условий с элементами индивидуально-дифференцированного подхода к заключенным. Имеющиеся же национальные особенности (количество фаз режима, системы знаков отличия и др.) во многом зависят от состояния социальной формации и уголовной политики, предопределяющей содержание и

назначение исправительного фактора и, соответственно, границы внедрения прогрессивного режима²⁵.

Реализация технологий ресоциализации и коллективного самоуправления предполагает создание особого типа исправительных заведений, где режим отбывания наказания приспособлен к поддержанию просоциальной открытости и доверия к заключенным, их органам самоорганизации. В этой связи в XX столетии апробированы различные пенитенциарные модели: участие заключенных в делах тюрьмы в соответствии с требованиями «Лиги взаимного благосостояния» (Т.М. Осборн, 1924)²⁶, «тюремная общность людей» (Х.В. Джилл, 1932)²⁷, «демократизация жизни заведения» (Т. Матисен, 1967)²⁸, «терапевтическая община» (Э. Штудт и др., 1968)²⁹. В отношении ресоциализации несовершеннолетних достаточно эффективными признаются реинтеграционная модель пенитенциарных учреждений, впервые апробированная в 1980-х гг. в штате Калифорния (США), а также социально-терапевтическая модель, в рамках которой первые учреждения были созданы еще в 1930-е гг. в Голландии и Дании, а разноплановые модификации имели впоследствии место во многих европейских странах³⁰.

Стержневой идеей реинтеграционной модели является то, что заключенный воспринимается как человек, который способен изменяться, если предварительно получил при консультировании со стороны специалистов (психологов, социальных работников и др.) эмпатическую обратную связь касательно своей личности и приобрел за счет участия в групповых социально-реабилитационных программах навыки просоциального поведения, которые в итоге позволяют ему уже реализовывать новый смысл бытия в условиях особого типа гуманной среды и механизмов коллективного самоуправления, складывающихся в полуоткрытых пенитенциарных учреждениях. В них при участии общественных организаций и привлекаемых извне специалистов (психотерапевтов, социологов, криминологов, социальных педагогов и др.) исправительный процесс строится через изучение личности и динамики человеческих взаимоотношений в группе, привитие навыков самостоятельности и совладающего поведения, ненасильственного общения и конструктивного разрешения возникающих конфликтов. К организации общинной жизнедеятельности осужденных с целью патронажа привлекаются институты гражданского общества, а порой и лица, ранее отбывавшие наказание, а ныне ведущие активный соци-

альный, нравственно зрелый, правопослушный образ жизни³¹. Кроме того, применение реинтеграционной пенитенциарной модели в отношении лиц, отбывших наказание, а также условно-досрочно освобожденных, обычно предоставляет широкие возможности по выбору ими участия в отвлекающих и попечительских программах³². Целью последних является вовлечение данной категории людей в более широкую систему общественных отношений, где в итоге и будет осуществляться их социальная реабилитация³³.

Реализация реинтеграционной модели, процессуально представляющей триединый процесс изменения личности осужденного (по американской рабочей аббревиатуре, процесс «3R») – «реформацию личностную», «реабилитацию социальную» и «реинтеграцию поэтапную в общество», – предъявляет особые требования к персоналу пенитенциарных учреждений. Прежде всего требуется введение в штат нового отряда квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов, социальных работников и др.). Кроме того, особые квалификационные требования предъявляются к руководителям учреждений, которые, помимо соответствующей профессионально-правовой компетенции, должны обладать такими личностными свойствами, как развитый социальный интеллект, коммуникативные способности, умение убеждать в процессе индивидуального общения и воздействовать на группы заключенных³⁴.

Особенности функционирования европейских социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних представляется целесообразным рассмотреть на примере эволюции пенитенциарной системы ФРГ³⁵. В этой стране с середины 1960-х гг. реформа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осуществлялась в направлении создания социально-терапевтических и переходных (полукрытых) учреждений. При этом благодаря усилиям таких ученых, как К.П. Роттхаус, В. Раш, И. Нейбергер и др., была разработана научно обоснованная концепция оказания социальной и психологической помощи отбывающим наказания³⁶. Она базировалась на идеях из разноплановых теорий личности, требовала учета психологических механизмов социального научения заключенных, включаемых в так называемые группы проживания, и применения к ним преимущественно технологии когнитивно-поведенческой терапии. В зависимости от уровня просоциального изменения личности заключенного обеспечивалось его продвижение при отбывании

наказания к условиям внешней социальной среды, причем при одновременном обеспечении их внутрличностного развития в направлении все большей самостоятельности, повышения ответственности и социального самоопределения. В этих целях были введены технологии социально-психологического тренинга и исправительные программы в области общего и профессионального образования, труда, сохранения здоровья, приобщения к спорту и пр., позволявшие приобретать компетенцию в различных сферах жизнедеятельности³⁷.

С учетом признания групп проживания, представляющих собой автономные и небольшие по численности общности людей (до нескольких десятков человек), основным звеном в проведении ресоциализации в социально-терапевтических учреждениях и молодежных исправительных центрах для работы в них стали активно привлекаться психологи и социальные работники. Они были призваны обеспечить индивидуально-дифференцированный подход в работе с заключенными и создать гуманную исправительную среду³⁸. В процедурном плане особенностью социально-терапевтических учреждений стало то, что прием в них обычно производился на добровольной основе, а время нахождения в них составляло от 9 до 24 месяцев. Высокая эффективность деятельности как социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних, так и позднее возникших заведений для взрослых заключенных по сравнению с традиционными местами лишения свободы выражается в том, что рецидивность среди лиц, находившихся на заключительной стадии отбытия наказания в первом типе учреждений, составляет в среднем 47% против порядка 70% у оставшихся в традиционных заведениях³⁹.

В многочисленных публикациях зарубежных ученых начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени ведется активная дискуссия по определению ведущих сфер приложения усилий психологов в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. В числе важнейших профессиональных функций психологов обычно называются следующие:

- 1) психодиагностическая и прогностическая деятельность;
- 2) индивидуальная и групповая психотерапевтическая работа с осужденными;
- 3) осуществление кризис-интервенций;
- 4) оценивание пригодности, а также уровня исходного и дальнейшего психологического образования персонала учреждений⁴⁰.

Реализация психологами психодиагностической и прогностической деятельности

должна преследовать решение следующих задач:

- установление у осужденных пригодности и психологической готовности к участию в базовых групповых исправительных программах и составление индивидуального психокоррекционного плана на период их нахождения в учреждении;
- изучение мотивации к исправлению в социально-терапевтических заведениях;
- прогнозирование для принятия решения о переводе осужденных на условно-досрочное освобождение;
- оценка действенности в ресоциализационном аспекте осуществляемых образовательных, профессионально-трудовых и других программ.

При выполнении психологами второй из вышеуказанных профессиональных функций – индивидуальной и групповой психотерапевтической работы с осужденными – особо подчеркивается, что все психологические воздействия должны реализовываться без давления на личность. Среди мер индивидуального воздействия на несовершеннолетних должны превалировать терапевтические беседы в духе «роджерс-анского» интервью, а среди мер социально-психологического плана – групповое консультирование в рамках групп проживания, а также использование когнитивно-бихевиоральных методик, психотехник психодрамы и гештальттерапии. В целом в соответствии с концепцией видного американского психолога К. Роджерса (1966) в отношении несовершеннолетних правонарушителей требуется «недирективное руководство», в том числе на основе регулярно проводимого в микрогруппах коллективного обсуждения имеющихся у них проблем, связанных с причинами противоправного поведения, проистекающими из их прошлого, и субъективных трудностей, возникающих при отбытии наказания.

От реализации психологами третьей из вышеуказанных функций – участия в кризис-интервенциях – ожидается, что будут осуществляться оперативное реагирование и профилакто-реабилитационная работа с осужденными, находящимися в состоянии внутриличностного конфликта, имеющими склонность к совершению суицида, демонстрирующими виктимное или манипулятивно-провоцирующее поведение⁴¹.

Привлечение психологов к выполнению четвертой из вышеуказанных функций – оцениванию профпригодности, а также повышению уровня психологической компетентности персонала – рассматривается

как одна из актуальнейших проблем (особенно для социально-терапевтических учреждений, где должны прикладываться коллективные усилия по созданию гуманного взаимодействия и в целом благоприятной ресоциализирующей среды). В этой связи представляется важным совершенствовать профессионально-психологический отбор и психологическую подготовку персонала пенитенциарных учреждений прежде всего в области повышения социально-психологической компетенции, развития навыков психической регуляции и конструктивных стратегий совладающего поведения.

Осуществляя прогноз в области эффективности функционирования и внедрения в отечественную пенитенциарную систему зарубежных пенитенциарно-психологических новаций, следует остановиться на трех моментах. Во-первых, в силу отечественной ментальности делать прямые заимствования иностранного психотехнического инструментария без его опытного апробирования в российской практике, на наш взгляд, не следует. Видный отечественный обществовед XIX в. Н.К. Михайловский советовал ученым-гуманитариям «прилагать западные теории осмотрительно, принимая во внимание то, что условия нашей жизни имеют свои особенности». Во-вторых, целесообразно внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, чтобы в нем наряду с уже зафиксированным правом осужденных на получение психологической помощи (п. 6 ст. 12) была прописана и их обязанность участвовать в ресоциализирующих и социально-реабилитационных программах. В-третьих, нами разделяется позиция американских ученых, которые считают, что для продуктивного развития современных пенитенциарных систем следует критически осмыслить суть следующих пяти основных дилемм:

1. Предназначение. При значительном разнообразии и противоречивости ожиданий по отношению к пенитенциарной системе (особенно когда государственные органы озабочены лишь ситуативным определением ее места в политике борьбы с преступностью и ждут от нее лишь скоординированных реакций, когда большинство населения ее воспринимает преимущественно как орган защиты от преступников, а персонал мест лишения свободы ориентируется на реализацию гуманистической миссии обслуживания своих клиентов) возникает необходимость выбора общих приоритетов и преодоления ныне имеющегося расплывчатого понимания ее предназначения.

ния: то ли исправление правонарушителей, то ли ресоциализирующее управление ими, то ли контроль над риском, то ли реализация «доктрины заслуг», то ли обеспечение условий для справедливого отбытия наказания, то ли нечто другое.

2. Методы. Выбор лучших стратегий и, соответственно, технологий в работе пенитенциарных систем (например, надзор или помощь, опека или излечение) зависит не только от квалификации кадров и их методической оснащенности, но и от обозначенных на определенных исторических этапах приоритетов и частоты их внешнего регулирования. С точки зрения эффективного развития пенитенциарной системы крайне негативные последствия имеют частые изменения, так как, с одной стороны, у персонала могут возникать чувства, что он несостоятелен в выполнении своих основных функций или в реальной практике следует придерживаться бюрократического акцента, предполагающего приоритет установленной процедуры над творческим процессом. Кроме того, частая смена пенитенциарных доктрин может отрицательно сказываться на самой исправительной практике, не позволяя наращивать потенциал тех лиц, для обращения с которыми она предназначена.

3. Структура. Структуры современных пенитенциарных систем определяются, с одной стороны, требованиями международных стандартов обращения с заключенными, а с другой стороны, складывающимся внутри конкретной страны взаимоотношением тюремных и внетюремных учреждений, призванных вести борьбу с преступностью. Как свидетельствует прошлое, наибольшее расстройство в функционирование пенитенциарных систем вносят несогласованные и/или нескоординированные на государственном уровне действия других видов правоохранительных органов (например, когда суд в силу складывающихся в обществе тенденций начинает ужесточать наказательные санкции в отношении определенных категорий преступников или, наоборот, переносит акцент на альтернативные меры наказания; когда органы дознания в силу ведомственных интересов злоупотребляют использованием тюремного пространства в собственных целях и т.д.).

4. Персонал. Поскольку пенитенциарная система работает с людьми, то важнейший ее ресурс – квалифицированный персонал, мотивированный на реализацию главных целей. Однако низкий престиж тюремных работников в обществе, недостаточная материальная компенсация реально суще-

ствующих психологических и моральных издержек профессиональной деятельности, а также малые возможности для построения профессиональной карьеры и индивидуальной оценки качества труда могут негативно сказываться на ценностно-смысловых ориентациях сотрудников пенитенциарных учреждений. Кроме того, имеющий место жесткий контроль за второстепенными показателями работы (бумажная отчетность, участие в общих мероприятиях по надзору за заключенными и т.д.) может дополнительно способствовать отсеву наиболее творчески работающих специалистов. В связи с тем что организационная культура персонала зависит от длительного развития коллектива сотрудников и стабильности руководящего звена, то часто происходящие смены начальства и высокая текучесть кадров не способствуют общему успеху, тем более что одновременно существует постоянное противодействие их исправительным усилиям со стороны криминальной части сообщества заключенных.

5. Расходы. В силу реальной дороговизны и наблюдаемых тенденций увеличения расходов на пенитенциарную систему из государственного бюджета даже на общем фоне роста преступности в среде ученых и в «коридорах власти» постоянно возникают вопросы об обоснованности затрат на нее. Возникающее противоречие (желание общества содержать преступников в тюрьме и нехватка средств на это) некоторые страны пытаются разрешить через проведение приватизации мест лишения свободы. И хотя лишь длительный опыт функционирования частных пенитенциарных учреждений может вынести адекватную оценку об эффективности данного подхода, но уже сейчас очевидно, что приватизация представляет собой, с одной стороны, потенциальную угрозу единому административному и методическому руководству тюремной системой, а с другой стороны, она преимущественно возможна лишь в отношении мест заключения, где содержатся лица, которые не являются рецидивистами и с которыми можно упрощенно строить режим и эффективно организовывать труд⁴².

Нами разделяется позиция Л.М. Карнозовой, члена независимого экспертно-правового совета Института государства и права РАН, о том, что при перспективном развитии системы уголовной юстиции в России должно возрасти участие общественности в деятельности ее институтов, а поэтому требуется поиск и внедрение эффективного процессуального механизма и новых форм

взаимодействия гражданского общества с учреждениями уголовной юстиции⁴³. В этой связи требуется оптимизация норм уголовно-исполнительного законодательства и ведомственной нормативной правовой базы, в том числе в направлении обеспечения их тесной взаимосвязи с общественной моралью, чтобы в итоге повысить авторитет и влияние законодательства и на лиц, отбывающих наказание.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. сделан акцент на ресоциализации осужденных с активным использованием общественных воздействий. Данный подход соответствует духу международных правовых актов, регламентирующих обращение с несовершеннолетними правонарушителями, которые ратифицированы Россией, а также отражает сложившуюся в развитых странах мира в конце XX столетия практику подключения к работе с несовершеннолетними осужденными широкой общественности (В. Стерн, 2000; М. Маколи, 2008; Л.М. Карнозова, 2010; Н. Кристи, 2011 и др.). На актуальность подобного подхода для отечественных исправительных учреждений указывают и данные нашего исследования (В.М. Поздняков, 2009), так как сегодня осужденным при нахождении в них удается реализовать преимущественно потребности низшего уровня (по модели А. Маслоу – витального и в безопасности). При входе же в пространство исправительных учреждений представителей институтов гражданского общества создаются условия для реализации осужденными и потребностей более высокого уровня (причастности к разным просоциальным общностям, признания, возвышения потребностей познавательного и эстетического плана, мотивации на самореализацию).

Организационно-правовые аспекты и психолого-педагогические условия оптимизации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, уже были подвергнуты анализу в публикациях ряда ученых (Л.И. Беляева, 1995, 2004; Ю.В. Баранов, 2006, 2008; А.В. Пищелко, 1992, 2005; В.М. Литвишков, Д.В. Сочивко, 2006). Однако при обосновании современными юристами (Ю.В. Баранов, 2008) основных принципов ресоциализации (целостность процесса ресоциализации, учет времени, необходимая и достаточная опека, контроль за процессом ресоциализации, ритуал освобождения) осужденные продолжают восприниматься

преимущественно как объекты внешнего стимулирования.

При экспериментальной апробации модели воспитательных центров – нового типа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей – представляется важным реализовать концепцию субъектно-соучаствующего подхода к исправлению осужденных (В.М. Поздняков, 2000). Она соответствует духу международных правовых актов исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних⁴⁴ и отечественным традициям «некарательной педагогики ресоциализации»⁴⁵. Ее сутью является учет психологических закономерностей и механизмов ресоциализации осужденных при включении их в разноплановые исправительные программы (режимно-поведенческого, социально-правового, образовательного, трудового, психокоррекционного, нравственно-духовного (религиозного) и досугово-бытового характера), которые организуются на основе широкого привлечения представителей институтов гражданского общества и гражданских специалистов гуманитарного профиля.

Комплекс ресоциализационных программ должен разрабатываться с учетом научно обоснованных классификаций осужденных, а также разработанных базовых индивидуальных и групповых психокоррекционных методик. При этом в отношении несовершеннолетних осужденных, имеющих психические отклонения и аддиктивные зависимости (наркотическую, алкогольную и др.), предварительно должна быть проведена медико-реабилитационная работа, связанная с их обязательным включением в специальные профилактические мероприятия и программы по здоровому образу жизни. Повторим, что представляется актуальным внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, чтобы в нем наряду с уже зафиксированным правом осужденных на получение психологической помощи (п. 6 ст. 12 УИК РФ) была закреплена и их обязанность участвовать в ресоциализационных, социально- и медико-реабилитационных программах.

Субъектно-соучаствующий подход к ресоциализации несовершеннолетних осужденных востребует в управлении воспитательным центром методы партисипативного менеджмента⁴⁶, актуализирует повышение социально-психологической компетенции сотрудников УИС и формирование у различных категорий персонала новых профессионально-ролевых позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сути данного подхода см. подр.: Об открытии первой земледельческой колонии в 1819 г. в имении графа Румянцева Яковом Гердом // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 30; Шимановский. Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России. Одесса, 1884.

² См.: Краинский Д.В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912; Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). М., 1996; Лисин А.Г., Петренко М.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российской империи в XVIII – начале XX вв. М., 1996.

³ К 1900 г. в России уже существовало 45 исправительных учреждений для несовершеннолетних, которые в городах носили название приютов, а в сельской местности – земледельческих колоний. Самым крупным учреждением считалась Петербургская колония на 200 чел., основанная А.Я. Гердом, а среди приютов – московский Рукавишников приют на 120 чел. (см.: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Моногр. Домодедово, 1998. С. 51).

⁴ См.: Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

⁵ Следует обратить внимание, что юрист А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских) и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом) пришел к выводу, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната), социальной помощи по выходе из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

⁶ См.: Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995.

⁷ См. подр.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: Тезисы докладов участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88–91.

⁸ См.: Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX столетия. www.infoblago.ru/survey/article

⁹ Указанная тенденция, по мнению М. Маколи, отражает поддержку в России возникшего за рубежом социально-поддерживающего подхода (или велферизма), суть которого состоит в том, чтобы «помогать детям группы риска, перевоспитывая их, а не наказывая» (см. подр.: Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С. 18–19).

¹⁰ В повестку дня VIII Съезда представителей исправительных заведений для малолетних преступников (1911 г.) был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы делинквентных детей.

¹¹ См.: Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: Моногр. М., 1996. С. 111.

¹² См. подр.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: Моногр. М., 2000. С. 49–69.

¹³ Теоретико-прикладной значимости воспитательной системы А.С. Макаренко и возможностям использования ее потенциала в современных условиях посвящено значительное количество зарубежных и отечественных публикаций. О перспективности идей А.С. Макаренко для развития современной психологии и пенитенциарной педагогики см.: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392–398; Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.

¹⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1986. Т. 1. С. 122.

¹ О сути данного подхода см. подр.: Об открытии первой земледельческой колонии в 1819 г. в имении графа Румянцева Яковом Гердом // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 30; Шимановский. Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России. Одесса, 1884.

² См.: Краинский Д.В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912; Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). М., 1996; Лисин А.Г., Петренко М.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российской империи в XVIII – начале XX вв. М., 1996.

³ К 1900 г. в России уже существовало 45 исправительных учреждений для несовершеннолетних, которые в городах носили название приютов, а в сельской местности – земледельческих колоний. Самым крупным учреждением считалась Петербургская колония на 200 чел., основанная А.Я. Гердом, а среди приютов – московский Рукавишников приют на 120 чел. (см.: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Моногр. Домодедово, 1998. С. 51).

⁴ См.: Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

⁵ Следует обратить внимание, что юрист А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских) и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом) пришел к выводу, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната), социальной помощи по выходе из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

⁶ См.: Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995.

⁷ См. подр.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: Тезисы докладов участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88–91.

⁸ См.: Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX столетия. www.infoblago.ru/survey/article

⁹ Указанная тенденция, по мнению М. Маколи, отражает поддержку в России возникшего за рубежом социально-поддерживающего подхода (или велферизма), суть которого состоит в том, чтобы «помогать детям группы риска, перевоспитывая их, а не наказывая» (см. подр.: Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С. 18–19).

¹⁰ В повестку дня VIII съезда представителей исправительных заведений для малолетних преступников (1911 г.) был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы делинквентных детей.

¹¹ См.: Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: Моногр. М., 1996. С. 111.

¹² См. подр.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: Моногр. М., 2000. С. 49–69.

¹³ Теоретико-прикладной значимости воспитательной системы А.С. Макаренко и возможностям использования ее потенциала в современных условиях посвящено значительное количество зарубежных и отечественных публикаций. О перспективности идей А.С. Макаренко для развития современной психологии и пенитенциарной педагогики, см.: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392–398; Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.

¹⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1986. Т. 1. С. 122.

¹⁵ См.: Буков В.А. Суд и общество в Советской России. М., 1992; Он же. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.

¹⁶ О сути первой и других «волн репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х гг.) см. подр.: Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994. С. 143–160.

¹⁷ См.: Ширвинт Е.Г. К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957; Монахов В.И. Преступники и общество // Новый мир. 1960. № 8; Ременсон А.Л. Участие советской общественности в перевоспитании осужденных и его правовое регулирование в общесоюзном законодательстве // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 130–142. Колбановский В.Н. Психология личности преступника и его перевоспитание // К новой жизни. 1961. № 10; Лашко В.Т. Все ли мы используем для перевоспитания осужденных? // Советская юстиция. 1962. № 22; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963; Ковалев А.Г. Психология исправления и перевоспитания осужденных. Л., 1964; Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964; Мясичев В.Н., Ханкин Х. Главное условие исправления // К новой жизни. 1969. № 12.

¹⁸ См.: Елеонский В.А. Наблюдательные комиссии. М., 1966; Елеонский В.А., Прокопов М.П. Роль общественности в нравственном воспитании осужденных. М., 1976. С. 19–20.

¹⁹ См.: Башкатов И.П., Саблина Л.С. Психолог ВТК: Метод. руководство для работников ВТК. М., 1977.

²⁰ См.: Лузгин С.А. Социальная работа с осужденными в России: историческая ретроспектива, современность и будущее: Моногр. Рязань, 2006. С. 58–59.

²¹ См.: Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы воспитания осужденных: Материалы всесоюз. научн.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А.С. Макаренко (22–24 декабря 1977 г.). Рязань, 1978; Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных: Материалы всесоюз. научн.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко (31 марта – 1 апреля 1988 г.). Рязань, 1988.

²² См.: Лузгин С.А. Центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными как отечественная модель их исправления и ресоциализации в исправительных колониях: Учеб. пособие. Рязань, 2004.

²³ См.: Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

²⁴ См.: Milner A. African Penal Systems. London, 1969; White S.A. Maconochie and development of parole // Journal of Criminal Law and Criminology. 1976. V. 67. P. 72–88; Rico J. Crime et Justice Penale on Amerique Latine. Montreal, 1978.

²⁵ См.: White S. A. Maconochie and development of parole; Tkachevskij Ju.M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugolovnyh nakazanij. М., 1997. С. 16–29.

²⁶ О сущности экспериментов М. Осборна в трех американских тюрьмах – Аубурн (1913), Синг-Синг (1914) и Портсмут (1919–1920) см.: Osborne T.M. Prisons and the Common Sense. Philadelphia, 1924.

²⁷ О сущности эксперимента Х.Б. Джилла в тюрьме Норфолк (1929–1932) см.: Rotman D.J. Conscience and Convenience: the Asylum and its Alternatives to Progressive America. Boston, 1980.

²⁸ См.: Mathiesen T. Resistance au changement dans les institutions penitentiaires // Etudes Relatives a la Recherche Criminologique. Strasbourg, 1967. P. 175–188.

²⁹ См.: Studt E., et al C. Unit, Search for Community in Prison. NY., 1968.

³⁰ См. подр.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии: Моногр. М., 2000. С. 80–87.

³¹ См.: Стурова М.П., Чакубаш Ю.В. О пенитенциарной системе США // Экспресс-информация. М., 1991. № 6. С. 23.

³² См.: Штайнер Х.И. Криминология. М., 1994. С. 408–432.

³³ Позитивный опыт привлечения общественности к перевоспитанию осужденных был накоплен в советский период и в отечественных пенитенциарных учреждениях (в частности, одобренный МВД в 1975 г. белорусский опыт, в 1979 г. – харьковский опыт, в 1981 г. – хабаровский эксперимент по учреждению ЯБ 257/В и др.) (см. подр.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. Домодедово, 1995. С. 65–86).

¹⁵ См.: Bukov V.A. Sud i obvestvo v Sovetskoj Rossii. М., 1992; On zhe. Ot rossijskogo suda prisjazhnyh k proletarskomu pravosudiju: u istokov totalitarizma. М., 1997.

¹⁶ О сути первой и других «волн репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х гг.) см. подр.: Petrovskij A.V., Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii. М., 1994. С. 143–160.

¹⁷ См.: Shirvint E.G. K sorokaletiju ispravitel'no-trudovoj politiki Sovetskogo gosudarstva. М., 1957; Monahov V.I. Prestupnik i obvestvo // Novyj mir. 1960. № 8; Remenson A.L. Uchastie sovetskoj obvestvennosti v perevospitanii osuzhdennyh i ego pravovoe regulirovanie v obvesojuznom zakonodatel'stve // Problemy razvitija sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. Saratov, 1961. S. 130–142. Kolbanovskij V.N. Psihologija lichnosti prestupnika i ego perevospitanie // K novoj zhizni. 1961. № 10; Lashko V.T. Vse li my ispol'zuem dlja perevospitanija osuzhdennyh? // Sovetskaja justicija. 1962. № 22; Beljaev N.A. Celi nakazanija i sredstva ih dostizhenija v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenijah. L., 1963; Kovalev A.G. Psihologija ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh. L., 1964; Jakovlev A.M. Bor'ba s recidivnoj prestupnost'ju. М., 1964; Mjasihev V.N., Hankin H. Glavnoe uslovie ispravlenija // K novoj zhizni. 1969. № 12.

¹⁸ См.: Eleonskij V.A. Nabljudatel'nye komissii. М., 1966; Eleonskij V.A., Prokopov M.P. Rol' obvestvennosti v npravstvennom vospitanii osuzhdennyh. М., 1976. С. 19–20.

¹⁹ См.: Bashkatov I.P., Sablina L.S. Psiholog VTK: Metod. rukovodstvo dlja rabotnikov VTK. М., 1977.

²⁰ См.: Luzgin S.A. Social'naja rabota s osuzhdennymi v Rossii: istoricheskaja retrospektiva, sovremennost' i buduwee: Monogr. Rjazan', 2006. S. 58–59.

²¹ См.: Pedagogicheskoe nasledie A.S. Makarenko i problemy vospitanija osuzhdennyh: Materialy vsesojuzn. nauchn.-prakt. konf., posvjawennoj 90-letiju so dnja rozhdenija A.S. Makarenko (22–24 dekabrja 1977 g.). Rjazan', 1978; Pedagogicheskoe nasledie A.S. Makarenko i problemy ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh: Materialy vsesojuzn. nauchn.-prakt. konf., posvjawennoj 100-letiju so dnja rozhdenija A.S. Makarenko (31 marta – 1 aprlja 1988 g.). Rjazan', 1988.

²² См.: Luzgin S.A. Centry psihologo-pedagogicheskoj i social'noj raboty s osuzhdennymi kak otechestvennaja model' ih ispravlenija i resocializacii v ispravitel'nyh kolonijah: Ucheb. posobie. Rjazan', 2004.

²³ См.: Baranov Ju.V. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody i osvoboždennyh ot jetogo nakazanija: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. М., 2008.

²⁴ См.: Milner A. African Penal Systems. London, 1969; White S.A. Maconochie and development of parole // Journal of Criminal Law and Criminology. 1976. V. 67. P. 72–88; Rico J. Crime et Justice Penale on Amerique Latine. Montreal, 1978.

²⁵ См.: White S. A. Maconochie and development of parole; Tkachevskij Ju.M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugolovnyh nakazanij. М., 1997. С. 16–29.

²⁶ О сущности экспериментов М. Осборна в трех американских тюрьмах – Аубурн (1913), Синг-Синг (1914) и Портсмут (1919–1920) см.: Osborne T.M. Prisons and the Common Sense. Philadelphia, 1924.

²⁷ О сущности эксперимента Х.Б. Джилла в тюрьме Норфолк (1929–1932) см.: Rotman D.J. Conscience and Convenience: the Asylum and its Alternatives to Progressive America. Boston, 1980.

²⁸ См.: Mathiesen T. Resistance au changement dans les institutions penitentiaires // Etudes Relatives a la Recherche Criminologique. Strasbourg, 1967. P. 175–188.

²⁹ См.: Studt E., et al C. Unit, Search for Community in Prison. NY., 1968.

³⁰ См. подр.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v HH stoletii: Monogr. М., 2000. С. 80–87.

³¹ См.: Sturova M.P., Chakubash Ju.V. O penitenciarnoj sisteme SShA // Jekspress-informacija. М., 1991. № 6. С. 23.

³² См.: Shtajner H.J. Kriminologija. М., 1994. С. 408–432.

³³ Позитивный опыт привлечения общественности к перевоспитанию осужденных был накоплен в советский период и в отечественных пенитенциарных учреждениях (в частности, одобренный МВД в 1975 г. белорусский опыт, в 1979 г. – харьковский опыт, в 1981 г. – хабаровский эксперимент по учреждению ЯБ 257/В и др.) (см. подр.: Alferov Ju.A. Penitenciarная sociologija. Domodedovo, 1995. S. 65–86).

³⁴ См.: Анисимков В.М. Проблемы совершенствования подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы // Проблемы совершенствования научных исследований и подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. М., 1998. С. 8–18.

³⁵ Об истории возникновения социально-терапевтических учреждений еще в 1930-х гг. в Голландии и Дании и специфике их развития в других европейских странах см.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии. С. 80–87.

³⁶ См.: Rotthaus K.P. Sozialtherapie in der Justizvollzugsanstalt Gelsenkirchen // Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe. 1971. № 30. S. 323–333; Neuberger J. Die Kriminalpolitische Bedeutung der sozialtherapeutischen Anstalten // Justizverwaltungsblatt Nordrhein-Westfalen. 1971. № 108. S. 121–122; Rasch W. Formaler Aufbau und organisatorisches Grundkonzept der Modellanstalt Duren // Monatschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1974. № 57. S. 27–41.

³⁷ См.: Quensel S. Der Strafvollzugsbeamte in der Gruppenarbeit // Aktuelle Kriminologie. 1969. S. 247 ff.; Dunkel F., Johnson E. Introduction of Therapy into Tegel Prison. Evaluation of an Experiment // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1980. № 4. P. 233–247; Egg R. Behandlung hinter Gittern – ein Irrweg? Probleme sozialtherapeutischer Einrichtungen im Strafvollzug // BewHi. 1993. № 40. S. 373–388.

³⁸ См.: Bruns M. Theorie und Praxis des Wohngruppenvollzugs. Frankfurt/M., 1989; Laubenthal K. Der Wohngruppenvollzug - Entwicklung, Zielsetzung, Perspektiven // ZfStrVo. 1984. № 33. S. 67–73.

³⁹ Достоверность приведенных данных обеспечивалась тем, что сравнение по указанным типам отбывтия наказания осуществлялось не только в ракурсе одинаковости выборок заключенных по юридическим основаниям, но и в аспекте близости личностно-биографических характеристик. Результаты ресоциализирующей деятельности по конкретным учреждениям (а всего в Германии к началу 1990-х гг. имелось уже 14 подобных заведений с общей наполняемостью 820 мест) порой были и более весомыми. См. подр.: Losel F., Koferl P., Weber F. Meta-Evaluation der Sozialtherapie. Stuttgart, 1987; Egg R. Sozialtherapeutische Behandlung und Rückfalligkeit im längerfristigen Vergleich // MSchrKrim. 1990. № 73. S. 358–368.

⁴⁰ См.: Keiser G., Kerner H.J., Schoch H. Strafvollzug. Eine Einführung in die Grundlagen. 4 Aufl. Heidelberg, 1991. S. 132–135; Walter M. Strafvollzug. Stuttgart, 1991. S. 159–160; Lautental K. Strafvollzug. 2 Aufl. Berlin, 1998. S. 111–112.

⁴¹ См.: Wagner G. Aufgaben und Probleme des Psychologen im Strafvollzug // F. Losel (Hrsg.) Kriminalpsychologie. Bonn, 1983. S. 209–216; Haag F. Psychologen und Juristen im Strafvollzug // In: Festschrift für Pongratz. Köln, 1986. S. 217–227; Katein E., Kury H., Waldert H. Organisationsstrukturen und therapeutische Orientierung im Strafvollzug // Vschr Krim. 1986. № 69. S. 210–220.

⁴² См.: American Corrections / Ed. by Clear T.R., Cole G.F. 3rd. ed. Belmont California, 1994. P. 509–515.

⁴³ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 12–13.

⁴⁴ См.: Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009.

⁴⁵ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа.

⁴⁶ Во многих зарубежных языках (английском, немецком, французском и др.) термин «paricipation» означает «соучастование». При этом партисипативная модель менеджмента считается одной из наиболее эффективных для управления людьми в организациях и в XXI в., так как учеными феномен соучастования рассматривается онтологически по шкале межличностных отношений как относящийся к типу социальной установки «другой человек – ценность» (Е.Л. Доценко, 1996) и характеризующий взаимное действие людей в интервале между уровнями правового и нравственного общения (В.Н. Сагатовский, 1980). Поэтому совершенствуя управление в воспитательном центре с опорой на технологию партисипативного менеджмента мы получаем возможность ослаблять и прекращать противоборство между воспитанниками и администрацией данного учреждения, так как это соответствует концепции соучастующего подхода в разрешении конфликтов, разработанной конфликтологами.

³⁴ См.: Anisimkov V.M. Problemy sovershenstvovaniya podgotovki kadrov dlja ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Problemy sovershenstvovaniya nauchnyh issledovanij i podgotovki kadrov dlja ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. M., 1998. S. 8–18.

³⁵ Ob istorii vznikovenija social'no-terapevticheskikh uchrezhdenij ewe v 1930-h gg. v Gollandii i Danii i specifike ih razvitija v drugih evropejskih stranah sm.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v XX stoletii. S. 80–87.

³⁶ См.: Rotthaus K.P. Sozialtherapie in der Justizvollzugsanstalt Gelsenkirchen // Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe. 1971. № 30. S. 323–333; Neuberger J. Die Kriminalpolitische Bedeutung der sozialtherapeutischen Anstalten // Justizverwaltungsblatt Nordrhein-Westfalen. 1971. № 108. S. 121–122; Rasch W. Formaler Aufbau und organisatorisches Grundkonzept der Modellanstalt Duren // Monatschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1974. № 57. S. 27–41.

³⁷ См.: Quensel S. Der Strafvollzugsbeamte in der Gruppenarbeit // Aktuelle Kriminologie. 1969. S. 247 ff.; Dunkel F., Johnson E. Introduction of Therapy into Tegel Prison. Evaluation of an Experiment // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1980. № 4. P. 233–247; Egg R. Behandlung hinter Gittern – ein Irrweg? Probleme sozialtherapeutischer Einrichtungen im Strafvollzug // BewHi. 1993. № 40. S. 373–388.

³⁸ См.: Bruns M. Theorie und Praxis des Wohngruppenvollzugs. Frankfurt/M., 1989; Laubenthal K. Der Wohngruppenvollzug - Entwicklung, Zielsetzung, Perspektiven // ZfStrVo. 1984. № 33. S. 67–73.

³⁹ Dostovernost' privedennyh dannyh obespechivalas' tem, chto sravnenie po ukazannym tipam otbytija nakazaniya osuwestvjalos' ne tol'ko v rakurse odinakovosti vyborok zakljuchennyh po juridicheskim osnovanijam, no i v aspekte blizosti lichnostno-biograficheskikh harakteristik. Rezul'taty resocializirujuwej dejatel'nosti po konkretnym uchrezhdenijam (a vsego v Germanii k nachalu 1990-h gg. imelos' uzhe 14 podobnyh zavedenij s obwey napolnjaemost'ju 820 mest) poroj byli i bolee wesomymi. Sm. podr.: Losel F., Koferl P., Weber F. Meta-Evaluation der Sozialtherapie. Stuttgart, 1987; Egg R. Sozialtherapeutische Behandlung und Rückfalligkeit im längerfristigen Vergleich // MSchrKrim. 1990. № 73. S. 358–368.

⁴⁰ См.: Keiser G., Kerner H.J., Schoch H. Strafvollzug. Eine Einführung in die Grundlagen. 4 Aufl. Heidelberg, 1991. S. 132–135; Walter M. Strafvollzug. Stuttgart, 1991. S. 159–160; Lautental K. Strafvollzug. 2 Aufl. Berlin, 1998. S. 111–112.

⁴¹ См.: Wagner G. Aufgaben und Probleme des Psychologen im Strafvollzug // F. Losel (Hrsg.) Kriminalpsychologie. Bonn, 1983. S. 209–216; Haag F. Psychologen und Juristen im Strafvollzug // In: Festschrift für Pongratz. Köln, 1986. S. 217–227; Katein E., Kury H., Waldert H. Organisationsstrukturen und therapeutische Orientierung im Strafvollzug // Vschr Krim. 1986. № 69. S. 210–220.

⁴² См.: American Corrections / Ed. by Clear T.R., Cole G.F. 3rd. ed. Belmont California, 1994. P. 509–515.

⁴³ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 12–13.

⁴⁴ См.: Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009.

⁴⁵ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа.

⁴⁶ Во многих зарубежных языках (английском, немецком, французском и др.) термин «paricipation» означает «соучастование». При этом партисипативная модель менеджмента считается одной из наиболее эффективных для управления людьми в организациях и в XXI в., так как учеными феномен соучастования рассматривается онтологически по шкале межличностных отношений как относящийся к типу социальной установки «другой человек – ценность» (Е.Л. Доценко, 1996) и характеризующий взаимное действие людей в интервале между уровнями правового и нравственного общения (В.Н. Сагатовский, 1980). Поэтому совершенствуя управление в воспитательном центре с опорой на технологию партисипативного менеджмента мы получаем возможность ослаблять и прекращать противоборство между воспитанниками и администрацией данного учреждения, так как это соответствует концепции соучастующего подхода в разрешении конфликтов, разработанной конфликтологами.